

Г. Ф. Одинцов
ИЗ ИСТОРИИ
ДРЕВНЕРУССКИХ НАЗВАНИЙ СТРЕЛ

Метательное оружие в виде дрэвка с заостренным наконечником, пускаемое из лука, обозначалось уже в древнейших русских текстах праславянским термином *стрѣла* (< **strēla*): ср. ст.-слав. (Супр) *стрѣла* *βέλος*, *sagitta*, болг. *стрелá* 'стрела, игла', макед. *стрела* 'стрела', с.-хорв. *стријела*, словен. *stréla* 'молния, стрела', польск. *strzała* 'стрела' и производные значения, например, диал. 'нижняя часть плуга; малый лемех у плуга', астрон. *Strzała* 'созвездие в северном полушарии', ст.-польск. *strzała* 'стрела', 'писарский знак в виде стрелы', словин. *střáula* 'луч', в.-луж. *třěla* 'снаряд', н.-луж. *stšěla* 'стрела', чеш. *střela* 'патрон', 'нога дикого животного', также символ быстроты, словац. *strela* 'стрела, пуля, снаряд', рус. *стрелá*, помимо основного значения, 'ловушка на волков, лисиц' (сиб.), 'леса, козлы для подъема и ставки мачт', *стрéлы* 'воспаление легких, жестокое колотье' (арханг.) и ряд других производных значений, укр. *стрілá*, блр. *страплá*.

Слово *стрѣла* индоевропейского происхождения¹, ср. не заимствованные из славянского лтш. *strēla* 'стрела, метательный снаряд; полоса, порыв ветра, струя', лит. *strēla* 'стрела', др.-в.-нем. *strâla*, ср.-в.-нем. *strâle*, нем. *Strahl* 'луч', др.-англ. *stræl*, *stræle*, ср.-англ. *strale*, норв. диал. *strîla* (Фасмер III 774; Buck 1389—1390).

Слав. *strēla* не заимствовано из германского, во-греки Я. Пейскеру, предполагавшему западногерманский источник **strēla* (др.-в.-нем. *strâla* и др.-англ. *stræl* имели первоначально корневое *ē*²): заимствование из германского ввиду славянской интонации невероятно (Trautmann 289; Фасмер III 774)³.

В. Махек объясняет слав. *strēla* и все его и.-е. соответствия как заимствование из «праевропейского» субстрата (Machek¹, 479).

Др.-рус. *стрѣла* впервые зафиксировано уже в XI в.: Помысли о оубогыхъ, каплами тако стрѣлами пронаажаєми. Изборник Святослава 1076 г., л. 42 (Срезневский III 568). Определено в качестве названия вида оружия *стрѣла* упоминается в Договоре Игоря с греками (945 г.): да посѣчени будуть мечи своими. ѩ стрѣль и ѩ иного ѿружѧя своего. Лавр. л., ок. 1377 г., л. 11. — Картотека СДР.

Семантика термина *стрѣла* 'метательное оружие, пускаемое из лука' однакова при употреблении его в текстах как книжно-славянских (тогда Илаковъ напрагъ лоукъ, испоусти стрѣлоу и оустрѣли ѿгъ въ десныи съсецы, и абыє оумре. Г. Аматр. XIII—XIV вв., л. 59 г. — Картотека СДР), так и народно-литературных ([1095 г.]: Сѣльбегъ Ратиборичъ. приима лукъ свои и наложивъ стрѣлу оудари Илара в срдце. Лавр. л., л. 76). При этом в памятниках того и другого типа слово *стрѣла* нередко указывает на оружие конного воина (Ипат. л. под 1252 г., л. 273—273 об., ок. 1425 г.; Геогр.

1710 г., 67.—Картотека ДРС), что закономерно: «При стрельбе из лука с лошади дальность (прицельной стрельбы.—Г. О.) увеличивалась на 30—40 процентов»⁴.

Семантика оружейного термина *стрѣла* не претерпела существенных изменений с XI в. по начало XVIII в., ср.: 1) и истраси рожаникъ ('лук'.—Г. О.) твои... и стрѣлы твоа. Библ. Гени. 1499 г. Иезек. XXXIX, 3, где словом *стрѣла* переведено греч. τόξευμα; 2) *сайта* — стрела, *сайтес* — стрелы. Алф. 446. XVII в., л. 204. Картотека ДРС; *сайта*, *стрѣла*. Азбуковник, 182 (по соединенному списку словариков XVI и XVII вв.⁵), где *сайта*, полагаем, из ср.-греч. *σάϊτα* 'стрела' (Du Cange. Gloss. graec., 1317), которое само из лат. *sagitta* 'стрела'⁶; 3) *стрѣла*, *sagita*, Pfeil. Кониевск. Номенклатор, 1700 г., 115.—Картотека Сл. XVIII в.; 4) *стрѣла* ζέλος, *sagitta*. Ф. Поликарпов. Букварь. Собр. имен, 1701 г., с. РІІІ (118).—Там же.

Другие, не военно-терминологические значения др.-рус. *стрѣла* отмечаются у Срезневского (III 568): 'стрела в перен. значении, удар' (Глагола Господь: съберу на ня злая и стрѣлы моя сконъчаю на нихъ. Кир. Тур. Сл. о слеп. 62.—Таких употреблений этого слова в книжно-славянских текстах XI—XIV вв., по данным Картотеки СДР, много: Ж. Ф. Студ. XII—XIII вв., л. 144—144 об.; Ефр. Кормч. XII в., л. 212б и т. д.); *громовая (громынная) стрѣла* 'сплавленный молнией песок'; *стрѣла* 'молния'. Мин. 1097 г., 88, — в этом значении слово известно в народных говорах — арх., волог., новг., олон.; 'крюковый знак'.

Сущ. *стрѣла* было единственным родовым названием данного вида оружия в древнерусском языке, в отличие от церковнославянского, в котором Л. Нидерле отмечает два однозначных синонима — *стрѣла* и *шипъ*⁷, или чешского, где также два равнозначных синонима — *střela* и *šip*⁸, или польского, где русскому *стрѣла* соответствуют два термина — *strzała* и *grot*⁹.

Как единственное родовое название сущ. *стрѣла* дало ряд составных производных древнерусских терминов; они указывают то на стрелу определенного размера: *стрѣла недомѣрокъ* (.к. стрѣль недомѣрков. Ростисль оруж. казне ц. Алексея Михайловича, 1647 г.¹⁰); *широкая стрѣла* (ездит... татарин Максимко Лязга с одною стрелою без лука, а стрела широкая... Сибир. гр. 1630 г.¹¹), — то на материал, из которого она изготовлена: *стрѣла березовая*. Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 177 об., 179, 180¹²; *стрѣла желѣзная* (Два лука... Сто восмъдесятъ стрѣлъ желѣзныхъ иные в них бес перья. Описи. кн. Кир.-Белозер. мон. 1668 г., л. 743¹³ (здесь речь идет о стрелах с железным наконечником, так как вряд ли в XVII в. был клей, надежно скреплявший птичье перо с металлом. Собственно же железные стрелы упоминаются в Переписной кн. Оруж. Палаты 1687 г., но не в качестве названия оружия: Пять стрѣлъ желѣзныхъ больших по два аршина по шати вершков что ставятца на круглыхъ башняхъ, л. 181); *стрѣла индейского дерева*. Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 175 об.; *камышная*. Там же, л. 177; *нед-*

ровая. Там же, л. 176; *кипарисная*. Роспись оружию 1682—1688 г., л. 2¹⁴; *немецкого дерева*. Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 179; *тростяная*. Там же, л. 178; *чипрасовая*. Росп. оруж. 1662 г., л. 20¹⁵, также Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 177; *яблоновая*. Там же, л. 174. Имелись составные термины, фиксировавшие разновидности стрел по месту их изготовления: *стрѣла кизылбашская* 'персидская'. Росп. оруж. 1662 г., л. 4¹⁶; также Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 176 об.; *калмыцкая*. Там же, 1687 г., л. 180 об., 182; а также по их функции: *стрѣла луковая* — в противоположность *самострѣльной*. Кн. отводная Соловецк. мон., л. 5, 1711 г.¹⁷; *стрѣла нарядная* 'вероятно, имеющая помимо основной дополнительную функцию — не только поразить цель, но и воспламенить ее': безпрестанно стрѣляли, и зажигательными ядрами и нарядными стрѣлами многоажды въ городѣ и въ острогъ зажигали. 1633 г.¹⁸; На пороховом погребѣ 446 стрель нарядныхъ ветхихъ. Кн. пер. Новг. № 324, 1698—99 гг., л. 35 об. — Картотека ДРС; *стрѣла огнен(и)ая (огнистая)* 'зажигательная, предназначенная обычно для стрельбы из самострела или из пушки': Роспись... 43 пушки... 50 ядеръ по полуторѣ гравенки ядро, 750 стрѣль огненныхъ. 1661 г.¹⁹; Наук какъ прямые огненные стрелы дѣлати. Возми пятъ єдинов селитры єхнть сѣры горячие полѣвнта 8голя истолки повыроти все вмѣсте да положи в то ольѣ бенедиктум сї рѣчь масло свтое да горячаго вина сколько пригож и 8чинити с того состава что тѣсто да... положи то на деревцѣ в теплой печи чтоб гораздо подъсохло и твердо стало потом вымѣтое стрѣль вои скреби еѣ || и отачиваи ножем какъ еї быти да ѿбдеи тое стрелу невеликим чистым платор и 8вежи еѣ нитми и потом омочи стрѣль гораздо в ростопленю сѣру горячую да в сѣрѣ простю. XVII в.²⁰; иногда вместо словосочетания *огненная стрѣла* употреблялась в том же значении только вторая его часть: іс пушекъ в городѣ стрѣлами и гранаты мѣтали. XVII в.²¹; «Еще одно ружье, или самострѣль, которой выстрѣливаетъ стрѣлы огнистия, велими потребноя есть въ морскихъ бояхъ; которые выстрѣленыя, зацѣпятся въ межуткѣ парусовъ и веревокъ и въ моментъ зажгутъ корабль». Перевод с объявления, каково учил инженер-барон Бланленберг послу Матвееву, 1707 г. — Письма и бумаги Петра I, т. VI, 580. — Картотека Сл. XVIII в.; *стрѣла пращная* 'предназначенная для стрельбы из метательных машин — пращей': съ огражденіемъ стрѣль пращныхъ (Зѣлостѣзѣз). Библ. Генн. 1499 г. Иезек. XVII, 17. — Картотека ДРС; *стрѣла-ратница* 'войнскя стрела (в противоположность охотничьей)'. Роспись имущ. М. М. Строганова. 1627 г.²²; *стрѣла самострѣльная*. Соловецк. м. 1649 г.²³; Кн. отводн. Соловец. м. 1662 г., л. 5. ЦГАДА, ф. 1201/1, № 475; Росп. оруж. 1662—1664 гг. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, № 52091 и т. д.; *стрѣла чемерита* (съ чемеремъ) то же, что *стрѣла тадовита* (этот составной термин засвидетельствован в особенно древних текстах): видѣные женьско стрѣла есть чемерита оустрѣли дшю. и ядъ испоусти. Панд. Ник. Черн. XIV в., л. 199г.; ср. в Сб. Троицк. конца XII—начала XIII в., л. 150: женьский оубо възоръ

стрѣла юсть ѹадовита; в Сб. Увар. XIV в., л. 74: оуже напрѣгль юси стрѣлу съ чемеремь и сърою горачею на голову свою. См. еще: Зл. цепь, л. ба—б, к. XIV в.—Картотека СДР.

Еще один составной термин указывал на способ изготовления оружия — *каленая стрѣла*: летять стрѣлы каленые, громить сабли о шеломы. Сл. о п. Иг., ок. 1188 г. Существуют два объяснения этого термина. Во-первых, считают, что речь идет о стрелах со стальными (а не с простыми железными) наконечниками²⁴. Однако в таком случае неясно, почему калеными именуются стрелы и никогда — наконечники стрел. Кроме того, термин *каленая стрѣла* резко отличается от всех других приведенных выше составных обозначений тем, что он встречается только в фольклоре²⁵ (или в текстах, стилизованных под фольклор, см., например: Озеров. «Дмитрий Донской», д. I, явл. 3) и в «Слове о полку Игореве», где элементы фольклора используются широко. Вероятно, перед нами древний народный термин, ставший с определенного времени народно-поэтическим. Поэтому представляется более верным другое толкование: «Древко до рогих (разрядка наша. — Г. О.) стрел было составное: оно склеивалось из нескольких пластинок дерева рыбым kleem и тщательно просушивалось (скорее всего, на печи или даже на огне. — Г. О.), выверялось на прямизну. . . Такие стрелы назывались *калеными*»²⁶.

При этом объяснении становится возможным истолковать редкое народно-поэтическое словосочетание *паленая стрѣла* как не ошибку, а реальный синоним по отношению к термину *каленая стрѣла*: «. . . тутие луки переломал (Вольга Буслаевич), / И шелковые тетивочки перервал, / И паленые стрелы все повыломал». Пес. Рыбн. I, 5—б. — Картотека ДРС. Ср. еще: *каленá стрѣла*, с т а р. вероятно, от ожога, закалки деревянной стрелы (Даль² IV, 344).

Из представленного материала явствует, что оружейный термин *стрѣла* широко употреблялся в древнерусской письменности на разных территориях (др.-киевск., моск., новгор., кир.-белозер., соловецк., уральск., сибирск. и — ниже — астрах. памятники) и в разных жанрах (письменность деловая, народно-литературная, церковнославянская, книжная военно-научная), что говорит о его большой освоенности в русском языке.

У Срезневского (III 569) имеются следующие производные от сущ. *стрѣла*: *стрѣлти* ‘пустить стрелу с лука’, *стрѣлати*, *стрѣллють*, *стрѣльцъ*, *стрѣлька*, *стрѣльна* ‘башня в укреплении’, *стрѣльны* прил. от *стрѣла*, *стрѣлти* ‘перестрел, расстояние, измеряемое полетом стрелы’. Сюда же, по материалам Картотеки ДРС, отнесем сущ. *стрѣлье* (3 воза стрельев да 2 воза огненного ружья. Булав. восст. 1708 г., 185) и ц.-слав. *стрѣлия* ‘расстояние места, сколько стрелою из лука достать можно’. Прол.: Ноябр. 20 (Miklosich LP, 896)²⁷.

Интересно нередкое в деловой письменности уменьш. *стрѣл(ъ)ка* ‘небольшая стрела’. (Саадак Осиповской малой, дитячей, лук — московское дѣло с костми, лубье левкашено. . . в колчане 17 стрелок простых, тохтуй миткалин(н)ой. 10 саадаков людских с луки. . .

и стрелами. Роспись имущ. М. М. Строганова. 1627 г.²⁸; гнезда тамариков гнезда северег недомърков... стрѣлка перевиванаа черным де(р)ево^м). Росп. оруж. 1662—1664 гг.²⁹), а также церковнославянское *стрѣлѣніе тѣсюра* 'стрела' (1 пят. чет.)³⁰.

В деловых памятниках XVII в. оружейный термин *стрѣла* стал все чаще употребляться применительно к оружию не русских воинов, а башкир, татар, народов Сибири и т. д., — вероятно, в связи с возрастанием у самих русских роли ручного огнестрельного оружия: Взяли у того башкирца за убитую голову 2 лошади, да 10 лисиц, да 2 стрелы, которыми он того малого убил. 1623 г.³¹; ранили де ево щедку якутские люди на бою стрелами. Якут. а., к. 2, № 3, сст. 23. 1639 г. — Картотека ДРС; и на тех де станех те вагуличи и татарове стружут стрелы и желесца стрельные делают. Туринск. гр. 1625 г.³²

Применительно к русским же слово *стрѣла* стало часто указывать на оружие крестьян, бедноты, использовавшееся, конечно, и на охоте: А живота... нашего взяли... восемь луковъ да пять туловъ со стрелами. А. Холм. и Уст., З. Явка крестьян о разбое. 1632 г. — Картотека ДРС; Спрятали мужики луки и стрѣлы, торъговать со мною стали, — медведенъ я у нихъ накупилъ. Аввак. Жит. XVII в. — Картотека ДРС.

Но встречаются упоминания стрел и как оружия русских воинов: л. стрел красного дерева под Ригою были ж (т. е. в походе под Ригу. — Г. О.). Росп. Оруж. пал. 1662 г.³³; ср. еще приведенное выше *стрела-ратница* (1627 г.) и тексты типа: чтоб русские люди с астараханскими татарами... стрелами не торговали. Астр. ак. № 884, Наказ. 12—13. 1625 г. — Картотека ДРС.

В XVIII в. оружейный термин *стрѣла* в основном употребляется или условно (на стрѣлы и мечи, на пушечныа громы и мушкѣтныа молниа себѣ представи. [О Петре I]. Г. Бужинский. Слово о победе под Полтавою. СПб., 1720, л. 10—10 об. — Картотека Сл. XVIII в.), или как историзм (Князь воинство свое въ лѣсахъ... поставиТЬ, оттуду находящее французское воинство конное стрѣлами отогналь. Пуфendorf. Введ. в гисторию европейскую. СПб., 1718, 119), или как название охотничье оружия, и, кроме того, представлен в ряде пословиц, записанных в XVIII в.: в дрѹге стрела что во пне, а себѣ так в срѣдце. Посл., Собр. Пауса, нач. XVIII в.³⁴; в камень стрѣлять только стрѣлы терять. Кург. Письм. I. 124. 1790 (1769). — Картотека ДРС; кончанъ (так!) пригожъ стрѣлами, а обѣдъ пирогами. Барсов. Собр. пословиц, 1770, с. 104. — Картотека Сл. XVIII в. Ср. еще фигуральное народное в стреле 'наготове'. Наумов, 1874 г., а также стрела 'казак'. Архив АН СССР, ф. 9, № 16. — КСРНГ.

Об исключительной важности терминов *стрѣла* и *стрѣлять* в системе оружейной лексики (старо)русского языка мы судим по наличию в нем (с серединой XVIII в.) обобщающего составного термина *огнестрельное оружие*, тогда как в украинском такое словосочетание — редкость, в польском ему соответствует выражение *broń palna*, аналогично — в чешском. Наличие словосочетания *огнестрельное*

оружие в соответствующих огласовках в южнославянских языках можно в значительной мере объяснить влиянием русского языка, особенно в связи с подъемом освободительного движения на Балканах против турок в XIX в.

Оружейный термин *стрѣла* оказался очень устойчивым и активным в русском языке на протяжении всей его истории, полностью оттеснив начавший было проникать тюркизм *уک* 'стрела', приводимый А. П. Сумароковым³⁵, но не обнаруженный ни в одном другом русском тексте XI—XX вв., по данным важнейших словарных картотек и словарей. Термин *уک* не смог бы соперничать с русским сущ. *стрѣла*, и внутриязыковые факторы (наличие глагола *стрѣлять* наряду со словом *стрѣла*, отсутствие иного, пусть даже исконного синонима родового названия *стрѣла*, в отличие от польского и чешского языков, повсеместная территориальная и жанровая употребительность термина, его нейтральная стилистическая окраска и т. д.) здесь, наверное, играли весьма значительную роль. Соврем. рус. *стрѣла* активно употребляется лишь как спортивный термин: метание стрел из лука — один из популярных видов спорта.

Помимо родового названия стрелы, древнерусские памятники письменности содержат в себе и видовые ее названия, в том числе исконные, среди которых — *желѣзница* 'железный наконечник стрелы' (с. 1683 г.), 'стрела с железным наконечником': Сто восемьдесят стрѣль желѣзницъ. Кн. описн. Кир.-Б. м. I, 42. 1668 г.; Его де ранили подъ лѣвую пазуху желѣзицею. ДАИ VII, 30. 1676 г. (Сл. РЯ XI—XVII вв., в. 5, 81).

В первом значении *желѣзница* представлено в Сл. РЯ XI—XVII вв. с более поздней датировкой, чем во втором. Этот парадокс объясняется тем, что хоть авторы Словаря не располагали в то время иным материалом, но справедливо полагали, что направление номинации шло от наконечника к стреле, а не наоборот. Действительно, все остальные известные нам исконные названия стрел (см. ниже) возникли именно в связи с особенностями наконечника этих стрел, то есть процесс номинациишел в том же направлении. Кстати, недавно нами обнаружено употребление слова *желѣзница* 'наконечник стрелы' уже в памятнике 1662 г., то есть более раннего времени, чем употребление этого же слова, по данным Сл. РЯ XI—XVII вв., во втором приведенном там значении (1668 г.): .^а. стрѣль самострѣльних да з желѣзницами самострѣльних же .л. стрѣл. Отводн. книга Соловецк. мон-ря 1662 г., л. 5³⁶, что поддерживает построение словарной статьи *желѣзница* в Сл. РЯ XI—XVII вв. и в чисто формально-хронологическом плане.

Слово *желѣзница* 'стрела (реже копье) с железным наконечником' сохранилось вплоть до XIX в., но лишь как диалектное (ярен., волог. 1852 г.; енисейск. 1865 г. — КСРНГ), начиная со Словаря Академии Российской 1789—1794 гг., оно отсутствует в этом значении в русской лексикографии.

Два видовых названия стрелы *свистъ* и чаще *свищъ* (<*svist/o-, от *svistъ. — Фасмер III 582) не отмечаются ни одним из русских

словарей и ни в одной из академических словарных картотек русского языка (Москва и Ленинград).

1) Л8къ по алои кибити. . . пят древокъ. . . || пят гнѣзд з свистов (так!) ј в том числѣ гнѣзда свистовъ серебреных четыре гнѣзда костяных два гнѣзда тамарики чипрасовыхъ тамарики серебреные. Росп. оружейн. казне. 1666 г.³⁷ Возможно, под свистом здесь подразумевается наконечник стрелы («свисты» либо «серебреные», либо «костяные»), однако в этом же контексте упоминаются тамарики не только деревянные («чипрасовые»), и тогда как будто речь идет о стрелах, но и серебряные, и, стало быть, эти же тамарики указывают как будто на наконечники стрел, т. е. переход от названия наконечника к названию стрелы в приведенном контексте очень легок. Возможно также, что серебряными или костяными названы свищестрелы, имеющие соответственно серебряные или костяные наконечники. Других употреблений термина *свистъ* мы не знаем.

2) Стрелы (:) | ·л. стрел киылбаских. . . | ·к. стрел березовых... ·д. гнѣзда свищет ·в. гнѣзда тамаров. . . Росп. Оруж. пал. 1662 г.³⁸ Здесь *свищъ* — ‘стрела’; аналогично: Стрелы (:) | . . . ·ли. стрѣл. . . || ·д. гнѣзда свищет. . . ·в. гнѣзда тамаров. . . 1662 г.³⁹; Стрѣлы (:) | . . . гнѣздо северег малехонких чинаров(ых) 8шки и наконечники рыбей суб свяска тамариков и свищет маенк(их) (бере)зовых | ·к. стрѣлья блонновых. Росп. оруж. 1662—64 гг.⁴⁰; ·ке. стрѣлы и сѣверги и срезни и тамарики и свищи и желѣзца стальны. Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 17а об.

Вероятно, *свищъ* — ‘стрела, производившая свист в полете с целью указать воинам направление стрельбы, наподобие современных трассирующих пуль и спарядов’. Такие стрелы использовались в древности в Средней Азии и в переводе исторических источников называны Н. Я. Бичуриным *свистунками*: «Модэ сделал свистунку и начал упражнять своих людей в конном стрелянии из лука таким приказом: всем, кто пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, отрубят голову. . . Модэ сам пустил свистунку в своего аргамака. Некоторые из приближенных не смели стрелять, и Модэ немедленно не стрелявшим в аргамака отрубил головы. . . Следуя за отцом своим Шаньюем Туманем на охоту, он пустил свистунку в Туманя; приближенные также пустили стрелы в Шаньюю Туманя. Таким образом, Модэ, убив Туманя, . . . объявил себя Шаньюем»⁴¹.

Возможно, обычай использовать такие стрелы пришел к русским от скотов или с Востока (известно маньчжурское *joro* ‘стрела с пятигранным костяным наконечником, с дырочками в каждой грани, издающими свист’, заимствованное из монгольского диалектного **յог-*, соответствующего монгольскому *յоруга*⁴²). Свистящие стрелы были известны монголам, туркам, скифам⁴³.

По описанию Э. Ленца, наконечники подобных свистящих русских стрел были такие же, как у срезней, «но под наконечником приделаны еще пустые костяные шарики, имеющие с двух сторон продолговатые сквашины, нижние края которых срезаны косо, как у на-

зших простых свистков»⁴⁴. О сибирских трехперых наконечниках стрел с круглыми или треугольными отверстиями, сделанными для того, чтобы стрела издавала свист, и о подобных бурятских стрелах писали Д. Н. Анучин и Э. Ленц, полагавшие, впрочем, что такие стрелы использовались с целью наведения, вследствие их свиста, страха и смятения у противника⁴⁵, хотя весьма вероятно, что такой эффект был лишь побочным.

Сомнительно ничем не аргументированное толкование А. Вельтманом слова *свищъ* — ‘охотничья стрела’⁴⁶: свистящее оружие на охоте вряд ли целесообразно, да и цитированные выше источники показывают, что речь идет о воинской стреле, использованной, например, в военном походе под Ригу.

Словом *свищъ* называли не только свистящие стрелы, но и уток (*Anas penelope*), «названных от полету, свист производящего» (CAP¹ V, 1794, 366). В каком значении слово стало употребляться раньше, трудно сказать.

Слово *срѣзень* (*срезень*) ‘вид стрелы’, как оно определяется и у Даля (IV² 306) с пометой «стар.», встречается уже в Росписи оружейной казне царя Алексея Михайловича 1647 г.: Стрѣлы (:)-и- стрѣл ѣблоновыѣ да гиѣздо срѣзней березовыѣ перя белохвостово || Стрѣлныѣ желѣзца (,) -и- желѣзца бѣлатных⁴⁷.

К стрелам в самом тексте отнесены «срезни березовые» и в Росписи оружия 1662—64 гг.⁴⁸ Очевидно, в XVII в. был вполне определенный по величине стереотип срезней, судя по словосочетанию «срѣзни мѣрные» (1666 г.)⁴⁹.

Происхождение названия можно связывать с особенностями наконечника стрел-«срѣзней».

Известен факт, что чем далее к востоку от центра Европы, тем железные наконечники стрел «представляют все более вариаций и переходят в самые разнообразные формы».

Острие наконечника может быть ромбообразным, но может образовывать «все более и более тупой угол и наконец переходит в лезвие» (см. рис. 1).

Рис. 1.

«Такие обратно-треугольные наконечники с лезвием, — пишет Д. Н. Анучин, — были в употреблении и у монголов, индусов, персов, . . . и к ним, вероятно, относится в старинных (русских. — Г. О.) описях оружия название стрелок «срѣзней». . . . Действительно, они не колют, а режут, срезывают. Лезвие в таких «срѣзнях» может быть слегка угловатым или выпуклым. . . или. . . вогнутым. Вогнутость эта может увеличиваться, и стрела получает наконец 2 острия или развильчатый наконечник.

Подобные находим на Кавказе, в Сибири и в Европейской России, особенно в восточной ее половине»⁵⁰ (см. рис. 2).

«Секторовидные срезни» (по Д. Н. Анучину, «обратно-треугольные») отмечает среди древнерусских наконечников стрел с IX в. и А. Ф. Медведев⁵¹.

Таким образом, *срѣзень* — это ‘стрела с плоским или вогнутым режущим наконечником’. Слово образовалось с помощью суф. -енъ от глагольной основы *срѣз-* аналогично древнерусскому названию боевого ножа *сторчень* (от *сторчти*).

Рис. 2.

В XVIII в. этот термин вышел из употребления. Едва ли не в последний раз он встречается в Переписной книге Оружейной палаты 1687 г. (напр., л. 17а об.), если не считать ее позднейших копий.

В Словаре Академии Российской (ч. V, 1794, 259) *срѣзень* приводится только в значении ‘краюха срезанного хлеба’; в последующих словарях *срѣзень* ‘вид стрелы’ сопровождается пометой *устар.* Неупотребительно это название стрелы и в народных говорах.

Выходя из активного употребления, слово известно в современном русском языке у археологов как научный оружейный термин.

Из заимствованных названий стрелы два зафиксированы уже в XV в.: Да Муртоза бакшай ограбиль Осташкова сына Рязанцева, а взяль саблю... да сорокъ стрѣлъ, десятокъ по десяти алтынъ, да пять аргичей, да два ташлыка, да ножъ долгой... — Жалобы на насилия московских людей в Крыму. Крм. д. I, 230. 1496 г.⁵²

Оба эти названия встретились нам в древнерусских текстах еще лишь один раз: ...дороднѣ молодѣцъ иседлаеть своего добра коня... и остеѓнѣть на себя свои полныи садакъ а в нѣмъ т. стрель пол р. кибирае б. аргичевъ п. ташлыковъ л. сверѣгъ оприченно надобныхъ (т. е., по А. Маркову, таких, которые всегда наготове, всегда могут понадобиться) стрел. А вскаа стрела мор'скаа трость. — Отрывок из старинной былины (сказки?) о некоем молодце, коне и сабле. Из рукописной книги подьячего Троицкого монастыря А. Шешкова. 1695 г.⁵³

В этих контекстах слова *аргичъ* и *ташлыкъ* имеют значение ‘вид стрелы’. После их упоминания в 1496 г. они засвидетельствованы только через 300 лет в приведенной записи старинной былины; они отсутствуют в старорусских описях оружия XVI—XVII вв., в текстах XVIII—XX вв. и в народных говорах, значит, уже в XVII в. это были редкие, если не устаревшие, слова.

Первый контекст с употреблением слов *аргичъ* и *ташлыкъ* относится к событиям в Крыму; что касается отрывка из былин, то еще

А. Н. Пыпин обратил внимание на обилие в ней «татарских» (турецких) слов⁵⁴, сделав даже отметку на рукописном экземпляре Румянцевского музея: «через казачество». По-видимому, оба названия — тюркизмы.

Ташлыкъ сопоставимо с тур. и татар. *taşlyk* ‘каменистый, каменистая земля’ (Радлов III 941), гагауз. *ташлык* ‘каменистая местность’, ‘каменный карьер’⁵⁵, караим. *ташли* ‘каменистый, каменный’⁵⁶, башк. *ташлык* ‘каменистое место, каменистый берег’⁵⁷, узбекским *тошли* ‘каменистый; имеющий камни, на камнях’⁵⁸, чагат., вост.-турк., таранч. *ташлик* ‘каменный, каменистый; каменистая почва; зоб птиц’ (Радлов III 941—942); ср. еще *Ташлык* — распространенное название рек, в частности на территориях, в прошлом подвластных Крымскому ханству или близких к нему (левый приток Южного Буга, в бывшей Херсонской губ.; левый приток Тясмина, бассейн Днепра), первонач. «Каменка» (Фасмер IV 30); ср. далее чагат., кирг., татар., кыпч., др.-турк. *taş* ‘камень’ (Радлов III 931—933, 939), тюрк. **taš* (<**tāl'*) ‘камень (в разных значениях)’⁵⁹, др.-турк. *tašla* — ‘бросить (камень)’⁶⁰, *таша-* ‘побить камнями’, *ташла-* ‘забрасывать камнями’⁶¹.

Из возведения др.-рус. *ташлыкъ* к тюрк. *ташлык* можно попытаться хотя бы предположительно конкретизировать семантику др.-рус. термина.

1. Не исключено, что *ташлыкъ* означало: ‘стрела с каменным наконечником’ (название стрелы нередко возникает по названию ее наконечника; с другой стороны, каменные наконечники стрел «продолжали употребляться и в течение металлического периода», и «в России их находят (археологи. — Г. О.) иногда рядом... с железными»⁶²). При такой семантической версии легко объяснить раннее появление этого термина в древнерусских текстах и ранее исчезновение его из русского языка, а также отсутствие его в современных тюркских языках: менее совершенный наконечник с течением времени заменили в воинских стрелах более совершенным — металлическим.

2. Известно, что на заднем конце древка стрелы, приставляемом к тетиве, обычно делается вырезка, для того чтобы стрела не спадала с тетивы. Если эта вырезка довольно глубока, задний конец стрелы представляет два выступа; «такие выступы называются в старинных русских описях «ушками», они делались иногда из слоновой кости, «рыбьего зуба» (морковной кости. — Г. О.), или в них вставляли бирюзу и драгоценные камни»⁶³. Например, ушки особо дорогих стрел делались из светящегося камня «тирон»⁶⁴. Как сообщает А. Р. Вельтман, в Сибири этот камень имеет свойство светиться в темноте; «он вставлялся в стрелы, чтобы отыскивать их ночью». «Украшались ушки стрел и другими каменями»⁶⁵. В одной из сказок о Дюке Степановиче говорится о стрелах, у которых «в ушах поставлено по тирону, по каменю по дорогу самоцветному»⁶⁶. Приведенный же нами отрывок старинной былины, где встречается название стрелы *ташлык*, представляет собой фрагмент былины именно о Дюке Степановиче⁶⁷.

Таким образом, в одном из текстовых вариантов этой былины (сказки?) мы имеем слово *ташлыкъ* ‘вид стрелы с камнем’, в другом — описательную характеристику такой стрелы (у нее «в ушах поставлено по тирону»). Вторая версия как будто более вероятна, так как она опирается, в отличие от первой, на три текста, а не на два.

Другой термин, встречающийся в обоих контекстах, — *аргич(ъ)*. В деловом контексте сказано, что если обычных стрел было сорок, то «аргичей» — всего пять, в былинно-сказочном же тексте из трехсот разных стрел упомянуто 70 «аргичей». В данном случае целесообразнее опираться на деловой текст, из которого видно, что «аргичи» — вид сравнительно редких стрел.

Возможно, *аргич(ъ)* заимствовано из др.-турк. *arγiš*, которое помимо значения ‘караван’, имело семантику ‘вестник, гонец’, ‘послание, весть’⁶⁸ (сюда же — тат. *арғы* ‘дальний’⁶⁹, ногайск. ‘ тот; дальний, находящийся вдали’⁷⁰), и означало в таком случае вестовую стрелу, предназначенную для передачи определенной информации [изменение *s' > ċ'* при заимствовании др.-рус. *аргичь* из тюрк. *arγiš* можно было бы объяснить аналогией: в «Материалах...» И. И. Срезневского (I—III), полностью отраженных в книге Index a tergo do Materiałów do słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego (авторы: Dulewicz I. и др., Warszawa, 1968, 301—303), слов, оканчивающихся на -ичь — 141, в том числе такие существительные, как *кирпичь*, *куличь*, *бичь*, *кличь* (ср. еще отчества типа *Кузьмич*), слов же на -ишь всего 9, из них только одно существительное — редкое название ткани *брюкишь* (и *полубрюкишь*). Такие стрелы вообще существовали, ср.: «Принесли к ним те казаки стрелу, а на ней нарезано 11 шайтанов с рубежи, а поперек шайтаны резаны, а железо стрельное терто. . . наперед сего такие стрелы ходили промеж остыков для измены. . . и они де тое изменную стрелу послали к сосвинским остыкам, велели с ними о измене договориться до прямая». Тобольск. 1609 г.⁷¹

В одной из сибирских грамот от 1630 г. упоминается подобная же стрела (с определением *ш и р о к а я*), служившая знаком к восстанию среди татарского населения⁷².

Такие вестовые стрелы должны были обладать, в противоположность другим, особенно большой дальностью полета, и потому внешне отличались от обычных стрел. Для более дальнего полета предназначались стрелы «с более широким наконечником и многоперые»⁷³, что соответствует описанию в 1630 г. подобной стрелы. Таким образом, *аргичами* могли называться вестовые стрелы — многоперые, с широким наконечником, предназначенные обычно для дальнего полета для передачи информации.

В следующем контексте обнаруживаем еще два названия стрел: 8 стрѣль Крымскихъ въ 4 пера. З *томары*. З *кайдалики*. Оруж. Бор. Год. 1588 г., 24 (Срезневский I 1179; III 976).

Слово *кайдалик(а)* известно в этом единственном употреблении; оно отсутствует в народных говорах. В Сл. РЯ XI—XVII вв. (в. 7, с. 26) дано его толкование: ‘вид стрелы’. П. фон Винклер без аргу-

ментации определяет: 'стрела с плоским железным острием' ⁷⁴.
Загадочное слово.

Второй приведенный термин имел начальную форму не *томара* ж. (которая из «Материалов...» И. И. Срезневского перекочевала в этимологическую литературу), а *томаръ*, м.; ср.: два томара, одинъ маленко. Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 185 об.; л. томаров. Отводн. кн. оруж. казны Солов. мон. 1649 г.⁷⁵; три томара. Отводн. кн. оруж. казны Солов. мон. 1697 г.⁷⁶; ср. еще уменьш. производное, отсутствовавшее до сих пор в картотеках и словарях *томарикъ* — уже в памятнике 1627 г.⁷⁷ и далее в ряде текстов XVII—XVIII вв., при отсутствии ст.-рус. *томарка*.

Томаръ и *томарикъ*, во-первых, имели значение '(костяной) наконечник стрелы': Ящикъ... а в немъ б стрѣль с томорами костяными... 20 стрѣль с копьями (здесь: 'наконечниками'. — Г. О.) желѣзными. Оп. им. Матв. 1677 г. — Чт. ОИДР, 1900, кн. 2, смесь, 15; гнѣздо стрѣль томаровъ шефранныхъ недомѣрковъ съ бѣлохвостовыми перьями, томарики костяные; ... 10 гнѣздъ стрѣль томаровъ и срезней. 1685 г.⁷⁸

Во втором контексте наряду с сущ. *томарикъ* 'наконечник стрелы' имеем слово *томаръ* 'вид стрелы (с костяным наконечником)', как и в следующем случае: Да сверхъ прежнихъ кнѣгъ обявилос два томара одинъ маленко и ушки и накосточки ('наконечники'. — Г. О.) рыбей зѣб перыа белохвостовое. Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 185. *Томарикъ* также могло указывать на стрелу (вероятно, меньших размеров, чем «томаръ»), иногда с серебряным наконечником: Два гнѣзда томариковъ чипрасовыхъ одно гнѣздо маленко Ѹшки и накосточки серебряные золочены. Там же, л. 184 об. Здесь «накосточки» указывают не на кость, а на какую-то особенность наконечника. Возможно, *томары* и *томарики* в этом и подобных случаях указывали на стрелы с тупым или типа шарика наконечником, как сибир. *томар* м., *томарка* ж. 'стрела с костяным тупым наконечником для боя соболя, куницы, горностая' (Даль² IV 414). Такой наконечник или деревянная, а также костяная шишка вместо железного острия приделывались, чтобы не повредить шкурки ценного пушного зверя (Опыт, 1852 г.). Ст.-рус. *томаръ* могло также указывать на деревянную стрелу без наконечника: Девять томаров без желѣза. Отводн. кн. Солов. м. 1711 г.⁷⁹

Но были случаи, когда ст.-рус. *томаръ* определенно обозначало ость яй наконечник и соответственно стрелу с таким наконечником: Въ дому потребенъ токмакъ, томарь стрѣлный. Кар. Ист. Букварь. 1693 г., 41⁸⁰; на таблице XXXV этого же букваря изображен острый наконечник стрелы и подписано: «томаръ». Это вполне соответствует костромскому *томар*, *томары* — 'длинные, заостренные деревянные гвозди' (Варн. Костр. Этн. сб. II, 132. — Картотека БАС). Ср. еще олон. *томар* 'стрела' (без указания на характер наконечника). Куликовский 98.

Как видим, др.-рус. *томаръ* означало: 'стрела без железного наконечника (с костяным наконечником или деревяниным острием

на конце), а также 'костяной наконечник'. Такие стрелы, в противоположность тем, которые имели железный наконечник, быстро затуплялись и использовались преимущественно не воинами, а охотниками.

После завоевания Сибири (1589 г.) такие стрелы, вероятно, стали регулярно намеренно затупляться при невиданном расширении масштабов охоты на ценного пушного зверя.

Эти факты истории слова *томаръ* делают малоубедительным в плане семантическом объяснение его у В. К. Штейница как заимствования из тюрк. *tomar*, *tomur*, *tomor* 'что-то круглое, тупое, например кочка', шорск. *тамар* 'круглая стрела с шишкой на конце', *томар* 'пень, кочки в болоте', вост.-туркм. *tomur jabqan bura oq* 'тупой наконечник стрелы' (с объяснением куманд. *tomar* 'детская стрела', вопреки В. В. Радлову (III 1236), не как заимствования из рус. *томаръ*, а как его источника⁸¹). В. К. Штейниц, однако, убедительно доказал невозможность выведения рус. *томаръ* из финно-угорских или монгольского языков⁸².

В связи с русским *томарь* еще в XIX в. было сделано любопытное сближение: «*томар* — санскр. *тдмара* 'дротик, палица'». I, 153. Петров, 1852. — КСРНГ.

В. И. Абаев сближает рус. *томар* с осет. дигор. *tomar*, арийск. **tautara* 'стрела; дротик; копье', др.-инд. *tomara-* 'дротик; копье', добавляя: «В русском слово не может быть оригинальным: из и.-е. **teumero-* ожидали бы **tumеръ*. Поэтому приходится думать о заимствовании из скифского или сарматского»⁸³.

Вероятно, перед нами действительно древнее заимствование: из всех видовых заимствованных названий стрел оно оказалось наиболее освоенным и самым активным на Руси, будучи представленным, (как и уменьш. *томарикъ*) в литературном языке XVIII в., например, в Материалах к «Российской грамматике»⁸⁴, а в XIX—XX вв. — широко в народных говорах; ср., кроме основного, другие диалектные фонетические варианты: *тамар* 'тупой конец стрелы, стрела без копейца; тупая стрела' (Сибир. Дополнение к Опыту, 1858 г.), *тумар* 'тупая стрела, употребляемая инородцами для охоты за белками' (Юго-зап. Томск. г. Этн. сб. VI, 34. — Картотека БАС), *тамор* 'стрела с шишкою на конце' (Енисейск. Кривошапкин, 1865 г. — КСРНГ), а также производное *тамарок* м. 'игра, состоящая из стрельбы луком по бабкам' (Томск. Басс. ср. течения р. Оби. 1964. — КСРНГ); наречие *томаром* 1) '(выйти) без повил (черных праздничных онуч)'. (Пенз. Гвоздев. Тр. Пост. ком. диалектол. рус. яз. 1928, IX, 85. — Картотека БАС); 2) 'быстро, спешно, без оглядки' (Сибир. Доп. к Оп. 1858 г.).

Наиболее ранние фиксации названия стрелы *северга*, по данным Картотеки ДРС, относятся к 70-м годам XVII в.: 1) «Федъка Северга» (антропоним). Отп. Ртищева, 1670—71 гг., 18; 2) луки и северги. Арх. бум. Птр. I. 1674 г., 10; 3) 5 гнѣздъ северегъ и въ томъ числѣ 3 гнѣзда яблоновыхъ. Заб. Б. I. 1675, 727.

Слово употреблялось и раньше: 1) Потап Лихачов прозвище Северга. 1646 г.⁸⁵; 2) з. гнѣздъ северегъ яблоновы(х) и бѣковых...

Росп. Оруж. пал. 1662 г.⁸⁶; 3) Стрѣлы | .кн. стрѣлъ березовые... д. гнезда северег яблоновых | гнездо северег индѣиского дерева... (нако) — | сточки и 8шки рыбей зѣб. Росп. оруж., 1662—64 гг.⁸⁷.

Все эти контексты не дают возможности определить лексическое значение слова *северга* более конкретно, чем 'вид стрелы'. Помогает обращение к уменьш. *севережка*, засвидетельствованному в документе 1627 г., указывающему косвенно на наличие слова *северга* уже в первой трети XVII в.: ящик бѣлой, а в нем 100 стрѣл ратниц. Ящик зелѣной, а в нем 53 стрѣлы ратниц(ы ж севережки). Да десять севережек, 23 томарики Росп. имущ. М. М. Строганова⁸⁸ (в скобках дан вариант текста по другому списку документа). «Севережки» здесь отнесены к боевым стрелам, в отличие от томариков, которые уже в ту пору в ряде случаев могли быть охотничими стрелами — с тупым наконечником или без наконечника (противопоставление слов *северга* (а также *севережка*) и *томаръ* (*томарикъ*) в пределах минимального контекста — явление нередкое: гнѣздо северег самыхъ мѣрныхъ | пят гнѣздъ тамариковъ столничыхъ. Росп. оруж. 1666 г.⁸⁹; Стрѣлы (:)| .г. гнезда тамариков гнездо северег недомѣрков. Росп. оружию. 1662—64 гг.⁹⁰; гнѣздо тамаров сандальныхъ да гнѣздо чинаровыхъ... з. гнѣздъ северег яблоновы... Росп. Оруж. пал. 1662 г.⁹¹

В таком случае «северги» (и «севережки») указывали на в о и н-с к у ю стрелу — с о с т р ы м наконечником, хотя и похожую отчасти на «томары» (могли иметь костяные наконечники, см. контекст выше). Недаром оружие-историк П. фон Винклер утверждал, что северги — «обыкновенные стрелы с узким железом» (наконечником)⁹².

И в связи с тем, что сущ. *северга* имело значение 'воинская стрела (с острым узким наконечником)', оно в условиях петровской европеизации армии исчезло из русского языка за ненадобностью, в отличие, например, от названия охотничьей стрелы *томаръ*. Действительно, *северга* отсутствует в литературном языке XVIII—XX вв. (по данным словарей и картотек), нет его и в народных говорах, по материалам КСРНГ, где отмечено только слово *сивергá* 'резкий зимний ветер' (сибир. Ильин, 1916 г.), с которым связывают наречие *сиверко* 'прохладно' и которое можно связывать с сущ. *сѣвер(ъ)*.

Слово забылось: у Даля *севергá* приводится с пометой *стар.* и с толкованием «род стрелы?», причем стоит вопросительный знак и добавлено: «не казарга ли?» (т. е. 'род лука для стрельбы глиняными пулями', из татарского. Даль² II, 73), после чего отмечено переносное значение *севергá* 'торопыга, петреливый' (пск.) (Там же IV, 169). Ударение на последний слог вполне определено здесь отнесено к случаю с переносным значением, а не с семантикой 'род стрелы', которую сам же Даль оспаривает, хотя его сравнение оружейного термина со словом *казарга* предполагает к допущению такого удара. Других данных о месте удара в слове *северга* 'род острой стрелы' нет. Ср., впрочем, фамилию *Севергін*.

Возможно, др.-рус. *северга*, как и *севрюга*, заимствовано из тюрк. *söwürük* ‘острый, остроконечный, продолговатый’ (ср. др.-турк. *сювер* ‘острый’, алт. *сюрю* ‘остроконечный’, кирг. *сюйрю* ‘продолговатый, конусообразный’), откуда каз.-тат. *söirök*, тар. *süürük* ‘*Acipenser stellatus*, стерлядь’ (Фасмер III, 589 ⁹³): «так эти рыбы были названы по своей острой морде» ⁹⁴.

О. Н. Трубачев отмечает, что «форму *севрига* упоминает уже Герберштейн (1525 г.)» (см.: Фасмер, там же). Эта дата является более ранней, чем датировка основной формы *севрюга* у Срезневского (1585 г.), что интересно ввиду большой фонетической близости именно формы *севрига* слову *северга*.

В плане семантической типологии любопытно, что слово *желѣзница* известно в истории русского языка не только как название стрелы с железным наконечником (см. выше), но и в значении ‘*Clupea alosa*’, ‘рыба, к роду сельдей причисляемая, в великом множестве из Каспийского моря в Волгу входящая; величиною она крупнее обыкновенной сельди’ (САР¹ II, 1099; Слов. Ак. 1847 г. I 838 и т. д. — Картотека БАС). Эта рыба отличается проворностью и быстротой движения, подобно летящей стреле, и называется также *бешенка*, *веселка* (Берг. Рыбы пресн. вод. I, 80, сн. 2. — Картотека БАС). При этом ударение в *желѣзница* ‘вид стрелы’ и *желѣзница* ‘вид рыбы’ не совпадает.

Древнерусское *кибирь*, по Сл. РЯ XI—XVII вв., вып. 7, 118, ‘стрела с железным наконечником’ (ср. иерчинск. *кибірь* то же; сев.-байкал. *кибіри* мн. ч. ‘наконечники стрел’. 1965 г. КСРНГ) известно лишь в цитированном выше отрывке из былины о некоем молодце, коне и сабле (1695 г.): «пол .р. кибireй», — и в составе имени собственного: *Кибирь Козловской*. Польск. д. III, 409. 1566 г.

Так как, кроме охотничих и некоторых других, стрелы на Руси в XVI—XVII вв. были обычно с железными наконечниками (в чем можно убедиться, обратившись к семантике старорусского родового термина *стрѣла*, см. выше), то определение *кибирь* ‘стрела с железным наконечником’ остается довольно широким.

Возможно, конкретизировать семантику этого термина поможет обращение к старорусскому производному *полукибирье* (*полукибірь?*), встретившемуся единственный раз — в перечне стрел и наконечников: стрѣлы и северги и срѣзни и тамарики и свищи и желѣзца стальные и полукибірии бѣлатные розных дѣл и стрѣлы жъ что бывают под прапарами на хоромах. Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 17а об.

Полу- добавлялось к старорусским названиям оружия, отличавшегося большими размерами — *полусписы*, *полупики* (*списами* и *пиками* именовались длинные копья), *полубайданы* ‘короткие кольчуги’. Сравнивая *полукибирье* (*полукибірь?*) и *кибирь*, предполагаем у последнего семантику ‘стрела больших размеров (с железным наконечником)’. Судя по всему, *кибирь* — восточное заимствование; ср. тур. (из арабского) *kebir* ‘великий; взрослый, возмужалый, старый, престарелый; важный, знатный’, далее *kebire* ‘тяжкий грех’ ⁹⁵,

татар. (также из арабского) *кибер* ‘огромность; высокомерие, надменность’⁹⁶, кирг. *кибир* ‘мездитательный человек, кощуша, мямя’ (по-видимому, фиктуральное переосмысление из ‘надменный, важный’).

Хотя эти тюркские слова — арабизмы, далеко не все они, например, в турецком, имели книжный характер, иначе непонятно, как они могли быть заимствованы в качестве именно разговорных слов из турецкого в болгарский; ср., например *кибár*, прил. неизм. разг. (араб.-тур. *kibar*) 1. ‘гордый, важный’, 2. ‘знатный, благородный’ (Речник РОДД, 204), а также *кибýр* ‘важный, «большой» человек, гордый’ (Геров—Панчев, 162:=‘кибар, големец, горд’) и т. д.

Еще одно название разновидности стрелы, а также ее наконечника — *болтъ* (с определением *самострельный*): ·θ· самострѣлов... ки. стрѣл ·л· болтовъ самострѣл(ных). Росп. оруж. 1662—64 гг.⁹⁷; четырнадцат болтовъ самострѣлныхъ в томъ числѣ три болта с костми да четыре болта бес перев. Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 460; самострѣлы и коловораты і стрѣлы и болты самострѣльные. Там же, л. 17а об.

В первом и третьем контекстах *болтъ* (*самострельный*) — ‘наконечник стрелы самострела’, во втором — ‘стрела самострела’.

Слово это вместе со старобелорусским *болтъ* ‘стрела к самострелу’ (с начала XVII в.) восходит к др.-в.-нем. *bolz*, сп.-в.-нем. *bolte* ‘стрела, путь’, как и лтш. *bulta*, польск. *belt* (с 1426 г., Sl. stp. I, 73), откуда ст.-блр. *белтъ*; ср. еще др.-англ., англ. *bolt* ‘короткая тяжелая стрела или дротик’ (Buck 1389—1390⁹⁸).

В «Уставе ратных дел» (1607—1621 гг.), цитируемом в Словаре Академии Российской (I, 1789, 278), *болтъ* приводится без определения *самострельный* и указывает на стрелу, которую выпускали из пушек. Ср.: *болт самострельный* стар. ‘книшель, костыль для стрельбы из пушки’ (Даль² I, 111). В народных говорах существительное *болт* известно как курское в значении ‘рыболовное орудие на длинном шесте, которым пугают рыб’ (1858 г. КСРНГ).

Словосочетание *самострельный болт* сохранилось в современном русском языке в качестве научного термина у археологов: «. . . по силе удара стрелы и прицельной кучности боя самострел порой опережал лук. Обладая большой начальной скоростью, самострельный болт пробивал тяжелый доспех, в то время как стрела, выпущенная из лука, могла и не причинить вреда средневековому латнику»⁹⁹.

Уменьшительное от *болтъ* ‘стрела к самострелу’ старорусское образование *болтикъ*, встретившееся в памятнике письменности первой трети XVII в. и пока что отсутствующее, как и *болтъ*, в русских исторических словарях, в том числе и в СлРЯ XI—XVII вв., указывает на достаточную освоенность и известную словообразовательную активность оружейного термина *болтъ* в ту пору: 2 пушечки немѣцкие, желѣзные, литые да затинная, 3 самострѣла. Да полосамострѣльная (так! — Г. О.). 6 болтиковъ. 2 короба доспѣховъ бектерцовъ и колчугъ и шеломовъ. . . (Роспись имущества М. М. Строганова. 1627 г.)¹⁰⁰.

Большое разнообразие древнерусских названий стрел свидетельствует о важности обозначаемого ими вида оружия, использовавшегося русскими воинами до начала XVIII в.

Хотя были и исконные обозначения отдельных разновидностей стрел, но многие видовые названия стрел представляли собой заимствования из тюркских языков; лишь одно название — *болтъ* (*самострѣльный*) — пришло с Запада, где роль арбалетов по сравнению с луком была более велика, чем на Востоке.

Примечания

- ¹ Kiparsky V. Russische historische Grammatik. Bd. III. Heidelberg, 1975, 36.
- ² Peisker J. Die älteren Beziehungen der Slawen zu Turkotataren und Germanen. Stuttgart, 1905, 72.
- ³ См.: также: Stender-Petersen A. Slavisch-Germanische Lehnwortkunde. Göteborg, 1927, 218.
- ⁴ Денисов М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие: Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX вв. М., 1953, 95.
- ⁵ Сагаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849, т. II, 182.
- ⁶ О латинском *sagitta* с соответствующими параллелями см.: Körting G. Lateinisch-romanisches Wörterbuch (etymologisches Wörterbuch der romanischen hauptsprachen). Paderborn, 1907, 850.
- ⁷ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956, 376.
- ⁸ Miklosich F. Dictionnaire abrégé de six langues slaves. Краткий словарь шести славянских языков. Amsterdam, 1975, 818—819. — Слово *šíp* (и *шипъ*), как подчеркивает Л. Нидерле (см. предыдущее примечание), «обозначало первоначально 'шип на дикой розе, затем наконечник стрелы'». В русском литературном языке слово *шип* в значении 'стрела' не употребляется и встретилось нам лишь как книжный переводной термин со значением 'удлиненный боковой зубец наконечника стрелы' в переводе Гнедичем «Илиады» Гомера при описании стрелы Пиандара, поразившей Менелая: «Но лишь увидел (Менелай. — Г. О.) шипы и завязку пернатой вне тела, Вновь у Атреева сына исполнились мужества перси».
- ⁹ Русско-польский словарь. М., 1953, 727.
- ¹⁰ ЦГАДА, ф. 396 (Архив Оружейной палаты), оп. 1, ч. 4, № 3593, л. 13.
- ¹¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. II. М.—Л., 1941, 366.
- ¹² ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, № 936. Переписная книга Оружейной палаты 1687 года, составленная думным дворянином Артемием Федоровичем Полибиным и дьяком Василием Мануиловым.
- ¹³ Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр Q.IV.393.1668 г.
- ¹⁴ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 32, № 52127.
- ¹⁵ Там же, ч. 7, № 8156.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ ЦГАДА, ф. 1201 (Соловецкий монастырь), оп. 1, № 817. 1711 г.
- ¹⁸ Акты Московского государства. М., 1890, т. I, 503.
- ¹⁹ Акты Московского государства. СПб., 1901, т. III, 408.
- ²⁰ Воинская книга. Перевод М. Юрьева и И. Фомина. XVII в. Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, фонд Оленинская система, шифр F.IX.19, л. 28 об.—29.
- ²¹ Статейный список посольства для переговоров с Польшей о мире (1683—1684 гг.). Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 476 лл. Шифр F.IV.111, сп. конца XVII в., л. 190.
- ²² Введенский А. А. Торговый дом XVI—XVII веков. Л., 1924, 46.
- ²³ Книга отводная оружейной казны Соловецкого монастыря. — ЦГАДА, ф. 1201 (Соловецкий монастырь), оп. 1, № 251, л. 3 об.—4. (1649 г.).
- ²⁴ Тевяшов Е. Е. К вопросу о происхождении русского лука. — В кн.: Советская этнография. Сб. ст. М.—Л., 1940, VI, 147. Арциховский А. В. Оружие. — В кн.: История культуры древней Руси. М.—Л., 1951, т. 1, 431—432.

- ²⁵ И колчанъ пошолъ с нимъ каленныя стрелъ, а во колчанѣ было за триста стрелъ, и всякая стрела по десяти рублев. — Былина о Дюке Степановиче. — В кн.: Древние российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым. СПб., 1901, 9—10.
- ²⁶ Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. (История развития со временем возникновения до 1936 г.). Л., 1937. Т. I. Оружие до введения бездымных порохов. 17.
- ²⁷ См. также: Алексеев П. Церковнославянский словарь. СПб., 1819, ч. IV, 180.
- ²⁸ Введенский А. А. Указ. соч., 46.
- ²⁹ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 32, № 52091, л. 3.
- ³⁰ Дьяченко Г. М. Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 1900, 678.
- ³¹ Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в.
- ³² Миллер Г. Ф. Указ. соч., 321.
- ³³ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 7, № 8156, л. 4. 1662 г.
- ³⁴ Рукопись Библиотеки Академии наук СССР. Собрание Пауса, шифр 26.3.3, л. 4 об.
- ³⁵ «Укъ: слово скиеское, по руски стрѣла» — Сумароков А. П. Соч. СПб., 1787, ч. IX, 254.
- ³⁶ ЦГАДА, ф. 1201/1 (Соловецкий монастырь), № 475.
- ³⁷ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 8, № 10499, л. 1—2.
- ³⁸ Там же, ч. 7, № 8156, л. 19.
- ³⁹ Там же, л. 4.
- ⁴⁰ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 32, № 52091, л. 3. (В скобках при цитировании этого контекста даны восстанавливаемые нами 6 букв, утраченные в самом оригинале).
- ⁴¹ Бичурин Н. Я. (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950, т. 1, 46—47.
- ⁴² Kóhalmi K. U. Über die Pfeilfenden Fleile der Innerasiatischen Reiternomaden. — In: Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae. Br., 1953, Bd. 3, 59—60. — На эту работу указал автору статьи И. Г. Добродомов.
- ⁴³ Веселовский Н. Свистящие стрелы. — В кн.: Известия императорской Археологической комиссии. СПб., 1909, вып. 30, 160—161. См. еще: Adler, Bruno. Der Nordasiatische Pfeil. Leiden, 1901.
- ⁴⁴ Лепц Э. Описъ собрания оружия графа С. Д. Шереметева. СПб., 1895, 102.
- ⁴⁵ Анучин Д. Н. О древнем луке и стрелах. — Труды V-го Русского Археологического съезда в Тифлисе. 1881 г. М., 1887, 381.
- ⁴⁶ Московская Оружейная палата. 2-ое, вновь исправленное издание. М., 1860, 221; Древности Российского государства. Отделение III: броня, оружие, кареты и конская сбруя. М., 1853, XVII.
- ⁴⁷ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 4, № 3593, л. 13—15.
- ⁴⁸ Там же, ч. 32, № 52091, л. 3.
- ⁴⁹ Там же, ч. 8, № 10499, л. 4.
- ⁵⁰ Анучин Д. Н. Указ. соч., 408—409.
- ⁵¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел). VIII—XIV вв. М., 1966, 71.
- ⁵² Сборник русского исторического общества. СПб., 1884, т. XII, 230.
- ⁵³ Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова—Щедрина. Шифр Погод. № 1772, л. 188 об. При публикации именно этого текста Ф. И. Буслаевым допущены опечатки: вм. арчичей напечатано арчичей, вм. сверѣгъ — сверѣчъ. — См.: Буслаев Ф. О народной поэзии в древнерусской литературе. М., 1859, Приложение, 16.
- ⁵⁴ Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, 298—299.
- ⁵⁵ Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973, 462.
- ⁵⁶ Караймско-русский словарь. М., 1974, 519.
- ⁵⁷ Башкирско-русский словарь. М., 1958, 514.
- ⁵⁸ Узбекско-русский словарь. М., 1959, 446.
- ⁵⁹ Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Turksprachen. Helsinki, 1969, 466; Clauson G. An etymological dictionary of the pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972, 557.

- ⁶⁰ Древнетюркский словарь. Л., 1969, 540.
- ⁶¹ Изысканный дар тюркскому языку. (Грамматический трактат XIV в. на арабском языке). Ташкент, 1978, 377, 389.
- ⁶² Анучин Д. Н. Указ. соч., 402—403.
- ⁶³ Там же, 376—377.
- ⁶⁴ Тевяшов Е. Е. Указ. соч., 147—148.
- ⁶⁵ Вельтман А. Р. Московская Оружейная палата. СПб., 1846, 220.
- ⁶⁶ Анучин Д. Н. Указ. соч., 377.
- ⁶⁷ Марков А. Забытая старая запись одной былины. — Этнографическое обозрение, 1900, III, 131. В отличие от Ф. И. Буслаева, А. Марков опубликовал эту былину без опечаток и удачно разделил текст на стихи.
- ⁶⁸ Древнетюркский словарь, 54.
- ⁶⁹ Татарско-русский словарь. Казань, 1950, 43.
- ⁷⁰ Ногайско-русский словарь. М., 1963, 45.
- ⁷¹ Миллер Г. Ф. Указ. соч., 212.
- ⁷² Там же, 366.
- ⁷³ Анучин Д. Н. Указ. соч., 411.
- ⁷⁴ Винклер П. фон. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. СПб., 1849, 351.
- ⁷⁵ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 251, л. 4.
- ⁷⁶ Там же, № 380, л. 5 об.
- ⁷⁷ Введенский А. А. Указ. соч., 46.
- ⁷⁸ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872, т. 1, 59.
- ⁷⁹ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 817, л. 5.
- ⁸⁰ Тарабрин И. Лицевой букварь Кариона Истомина. М., 1916, 41, XXXV.
- ⁸¹ Штейниц В. К. Финно-угорско-туркско-русские этимологии. — В кн.: Язык и человек: Сб. ст. памяти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899—1968). М., 1970, 281—282; Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, 325.
- ⁸² Там же, 280—281.
- ⁸³ Абаев III, 299—300. О. Н. Трубачев в рецензии на данный словарь назвал этимологическое объяснение В. И. Абаевым русского *томар(ъ)* точным и полезным. — В кн.: Этимология 1979. М., 1981, 179.
- ⁸⁴ Ломоносов М. В. Соч. М., 1952, т. 7, 717.
- ⁸⁵ Вкладная книга Соловецкого монастыря. — Архив ЛОИИ, коллекция 2, ед. хр. № 152, л. 322.
- ⁸⁶ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, № 8156: л. 5.
- ⁸⁷ Там же, ч. 32, № 52091, л. 3.
- ⁸⁸ Введенский А. А. Указ. соч., 46.
- ⁸⁹ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 8, № 10499, л. 4.
- ⁹⁰ Там же, ч. 32, № 52091, л. 3.
- ⁹¹ Там же, ч. 7, № 8156, л. 5.
- ⁹² Винклер, П. фон. Указ. соч., 351.
- ⁹³ См. также: Beke Ö. Skr. kečiga. — AfSIPh XV, 1938, 118; Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря. — В кн.: Лексикографический сборник. М., 1958, вып. 3, 42.
- ⁹⁴ Шипова Е. Н. Указ. соч., 282 (с литературой).
- ⁹⁵ Турецко-русский словарь. М., 1977, 528.
- ⁹⁶ Хамзин К. З., Махмутов М. И., Сайфуллин Г. Ш. Арабско-татарско-русский словарь заимствований (Арабизмы и фарсиизмы в языке татарской литературы). Казань, 1965, 209; Räsänen M. Op. cit., 269.
- ⁹⁷ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, № 52091, л. 4.
- ⁹⁸ См. также: Булыко А. Влияние польского языка на развитие старобелорусской военной лексики. — RS, XL, 1, 1980, 49.
- ⁹⁹ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976, 67.
- ¹⁰⁰ Введенский А. А. Указ. соч., 46—47.